

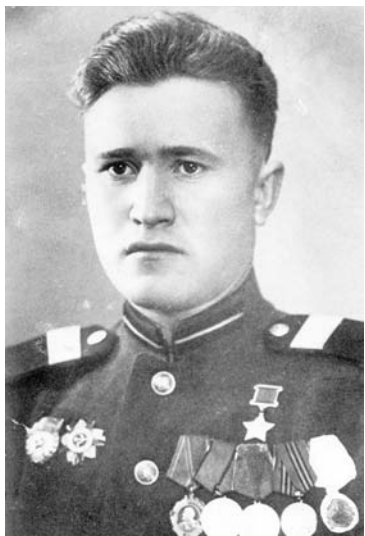
Бойцы вспоминали минувшие дни...

Газете «Сельский труженик» 86 лет, и за всё это время наши коллеги-корреспонденты в разное время запечатлели на её страницах немало поистине исторических событий, эксклюзивных материалов и уникальных воспоминаний.

В 1975 году, это был год 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, редакция газеты «Сельский труженик» организовала встречу «За круглым столом» участников Великой Отечественной войны. Фронтовики, живые очевидцы и непосредственные участники войны в тёплой беседе поделились своими личными воспоминаниями о военных годах, рассказали об эпизодах своих боевых действий, что происходило на фронте, через что им пришлось пройти...

Материалы беседы опубликованы в газете от 14 января 1975 года.

Герой Советского Союза Филипп Дмитриевич Разин: «Не раз смотрел смерти в глаза...»

— Во многих оборонительных и наступательных боях приходилось мне участвовать... Не раз смотрел смерти в глаза.

Никогда не изгладится в памяти операция по форсированию Днепра. Я тогда был связистом. Вместе с разведчиками и пулемётчиками предстояло на понтонах переправиться на противоположный берег. До середины реки доплыли благополучно, но потом немцы заметили нас и открыли сильный огонь. Однако нам удалось зацепиться за берег и создать небольшой плацдарм. Хорошую поддержку оказала нам артиллерия. Командир передал по радиации: «Держитесь, ребята, до вечера». А вечером, под покровом темноты, переправилось подкрепление. Основные силы дивизии с занятого нами плацдарма продолжали развивать наступление...

Позже дивизию перебросили под Ковель, и отсюда она начала бросок в Польшу, форсировала Вислу в нескольких местах. Операция усложнялась тем, что у нас не было плавсредств. У немцев на противоположном берегу стояла понтонная лодка. Командир и говорит: «Надо угнать лодку, тогда можно будет поздним вечером на ней переправиться». И спрашивает: «Кто умеет хорошо плавать?». Стоял апрель, вода была холодная. Подходит ко мне командир и говорит: «Ну, как, волжанин, поплывёшь?»

— Попробую, — ответил я.

— Пробовать не надо, а вот переплыть нужно и пригнать лодку, — сказал командир.

Поплыл я. Уже на середине реки вижу, что за мной плывёт солдат из моего отделения. Настроение поднялось — не один, значит, я. Подплыли к берегу. Там, рядом с лодкой, находился дзот. Осторожно сняли лодку с цепи, оттолкнули от берега. Метров сто отплыли и тут началось! Враг открыл по нам стрельбу из пулемётов и миномётов. Напарника ранило. Одному пришлось гнать лодку. На берегу нас ждали. Быстро лодку канатом прицепили за автомашину и отвезли в лес.

Когда стемнело, командир сказал, что кто был там, на вражеской стороне, опять туда поплывёт «по старой дорожке». Мы переправились, заняли плацдарм, расширили его. После этого командир дивизии велел доложить ему о нас и приказом представить к награждению. Мне было присвоено звание Героя Советского Союза, а солдата, который со мной плывал за понтонной лодкой, наградили орденом Ленина.

Потом — форсирование Одера, выход к Зееловским высотам под Берлином. Здесь и встретили мы Великую Победу. Радости не было конца!

Фёдор Фёдорович Кияченко, командовал танковым батальоном: «Мы ощутили великую радость победы!»

— В мае 1945 года наша 30-я танковая армия находилась восточнее Германии. 3 мая услышали голос подпольной Пражской радиостанции, обращённый к нашей армии:

— Товарищи солдаты, офицеры, генералы! Немцы подготовили Злату Прагу к взрыву. Просим вашей помощи.

Командование поставило перед нами задачу: выйти к Праге, чтобы помочь 3-ей и 4-ой танковым армиям разгромить миллионную немецкую группировку и спасти Прагу.

Шли мы на больших скоростях, порядка 40 км в час и более... У города Жатец нас обстреляла немецкая батарея. Осколком снаряда у меня сорвало шлем и припекло голову.

— Товарищ капитан! Вы ранены! — преодолевая рев мотора,

кричит мне башенный стрелок.

— Пустяки, до победы заживёт!

Определить местонахождение немецкой батареи не составило особого труда. Выпустили по ней по 15 снарядов из каждого танкового орудия, и батарея прекратила своё существование. Когда мы вошли в Жатец, немцев в городе уже не было. Они спешно отступали в сторону Праги. Нам нужно было спешить. Праге угрожала смертельная опасность, а тут под- ходят чехи:

— Товарищ командир, мы хотим иметь от вас подарок в честь освобождения города.

Ну что я мог подарить? Вынул из планшета фотографию, где я был снят со своим экипажем и на обороте написал: «Будете в Москве, приезжайте к нам в Куйбышев, Черниговский район, совхоз «Глушицкий».

На этом мы распрощались с чехами и двинулись дальше на Прагу. Навстречу нам шли большие группы немцев без оружия. Для них война уже кончилась. Но некоторые ещё оказывали сопротивление. В таких боях мы потеряли два танка.

После освобождения Праги мы ощутили великую радость победы. Что происходило с нами в тот день, описать невозможно. Участники войны знают, как это было.

Итак, война кончилась, и мы все вернулись к мирной жизни. Но эта история имеет продолжение. Жители города Жатец зафиксировали меня, как освободителя своего города. В самом деле, если бы мы не пришли в город, то немцы не оставили его. Чехи искали меня в Черниговской области (на фотографии было написано про Черниговский район). Потом они обратились в министерство обороны, и там им дали адрес, куда я уехал, выйдя в отставку. Так, спустя 20 лет, я получил приглашение жителей города Жатец приехать на празднование 20-летия освобождения Праги от фашизма.

Приглашение я принял и поехал в Прагу. Волновался, конечно. Кто и как меня встретит? Выхожу на перрон Пражского вокзала и слышу объявление:

— Фёдор Фёдорович Кияченко, не отходите от вагона, вас встретят.

Подходят два чеха, целуют меня, представьте себе.

— Может, вы ошиблись? — говорю я.

— Нет. Вот Ваша фотография. Действительно, это была моя фронтовая фотография.

В этот же день мы приехали в Жатец. Здесь состоялось заседание городского комитета, прошёл митинг, и мне присвоили звание «Почётный гражданин города Жатец». С тех пор побывал я в этом городе пять раз.

Николай Петрович Бодяжин, капитан, политрук, после войны работал дирек-

тором Безенчукского хлебо-приемного пункта (ХПП): «Бои были жестокие»

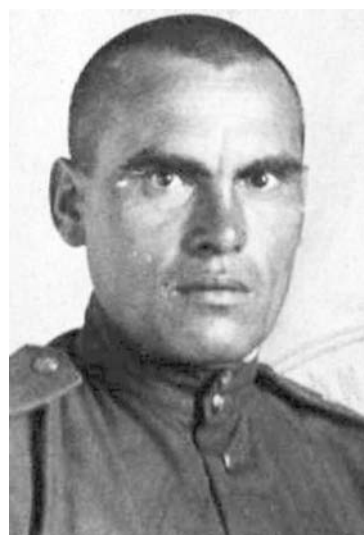

— Мне приходилось участвовать в сражениях под Сталинградом. Был я тогда комиссаром одного из батальонов прорыва. Перед нами стояла задача — про- рвать оборону немцев, углубиться в их расположение, выйти в тыл и соединиться с наступающими подразделениями. Оборону врага мы взломали и пошли вперед. Но тут меня ранило. Я попал в госпиталь.

После излечения воевал на территории Восточной Пруссии. Вместе со своим подразделением брал Кенигсберг. Бои были жестокие, доходило до рукопашной схватки.

После Кенигсберга наша армия была перебросена в Монголию. Здесь боев почти не вели, так как японцы в панике отступали. Помню, однажды, японская кавалерийская дивизия побросала всех лошадей. Мы на них ехали сотни километров. Закончили поход в Порт-Артуре. Домой вернулся с двумя орденами — Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

Х.Х. Бибарсов: «Гордое слово — Победа»

— К концу войны мы вышли на Курлядский полуостров в Латвии. Здесь оставалась мощная группировка немцев — до 38 дивизий. С Финляндией к этому времени было заключено перемирие.

Вечером, 8 мая, связные принесли вест с передовой: «Немцы сдались!» Эта вест радует слух, но надо знать точно, так ли это? Я позвонил командиру батальона, но он ничего не знал об этом.

Так и не получив официального подтверждения этого известия, мы расположились на отдых с мыслью, что утром пойдём в атаку, может быть последнюю в этой войне.

Но уснуть нам не пришлось. С передовой послышалась стрельба из всех видов оружия: автоматов, пулемётов, слышались крики. В первый момент я не мог сообразить, что происходит. Если немцы начали атаку, то почему без артподготовки, и почему не слышно выстрелов из их оружия? Оказалось, что это наши бойцы салютовали в честь победы.

Всю ночь никто не спал. Бойцы были возбуждены, радовались, как дети. Гордое слово «Победа» было на устах и в сердце каждого воина. И, глядя на это бурное выражение восторга, думалось: до чего же могуч русский человек в своей непреодолимой жажде свободы, в яростной ненависти к врагу и в этом ликующем гимне победы.

Утром мы снялись с позиций и маршем двинулись в сторону Либавы. Навстречу нам походным строем двигались подразделения бывших немецких войск. Эти «вояки», побросав оружие и технику, шли на восток в надежде сохранить свою жизнь. И не было к ним ни жалости в наших сердцах, ни ненависти. Только презрение.

Под Либавой мы освободили лагерь военнопленных. Это — жуткое зрелище. Люди были настолько измождены, что не могли ни радоваться, ни плакать, едва способны были передвигаться.

Взводу, которым я командовал, было приказано охранять перекрёсток, где сходилась семь дорог. И ежедневно, в течение двух недель то рота, то батальон немецких солдат выходили на перекрёсток и сдавались в плен. Мы их обыскивали, но оружия у них уже не было, и отправляли в лагерь для пленных, что находился метрах в двухстах от нас. Они сами, без всякой охраны, отправлялись в этот лагерь. Бойцы смеялись, глядя им вслед.

— Фриц смиренный стал, в плен сам топаёт. Понял, выдать, что с Иваном шутки плохи.

Однажды, часов в десять утра, на перекресток вышла группа в девяносто человек. Сразу стало ясно, что это — власовцы. Все были в гражданской одежде, видимо, ограбили магазин, физиономии лоснились, как у откормленных поросят. Обыскали их. У одного оказался в кармане наган. Я вынул конвойных и отправил их всех в штаб армии. Там изменники Родины предстали перед судом военного трибунала.

Подготовила **Т. Нагорнова.**